

Среда, 7 июля 1904 г.

№ 178. Годъ четырнадцатый. № 178.

Среда, 7 июля 1904 г.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

Газета печатается в Ростове на Дону, на Базарной
Стороне улицы, въ собственномъ домѣ.

Редакция для приема писемъ, отъ 12 до 2 ч. дня.

Статьи должны быть доставлены съ пометкою о адресѣ
автора. Принятые статьи, по усмотрѣнiю редакціи,
возвращаются авторамъ и возвращаются. Статьи безъ обо-
значенія условий считаются бесплатными. Мелкія замѣтки
принимаются, статьи сокращаются и мѣняются. Пересылку
успѣшной работы авторамъ редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонимые выносятся въ конторы по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Приазовскій Край“ (съ лица, фирмы
и торговлей, выходящихъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ, Рязанѣ, Харькѣ, Одессѣ, Приамурскомъ краѣ
и Забайкальи, принимаются исключительно въ конторахъ
объявленій торговля и др. 1. и 3. Мотель въ
въ Москвѣ, съ дѣлѣй Гитиса, и въ отъ. дѣлѣй въ С.-Пе-
тербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Кром-
овскъ праж. № 58.—до тѣхъ: плата за выноса по 12 в. и
выноса текста по 25 в. за строку текста или заглавнѣе
по 12 в.

Удѣленіе помощи съ доставкой, и морскими, торговскими и
виноградными подвѣдомствами:

12 н.—9 р., 11 н.—8 р. 50 к., 10 н.—8 р., 9 н.—7 р.
25 н.—6 р. 50 к., 7 н.—5 р. 75 к., 6 н.—5 р. 50 к.—
4 р. 25 к., 4 н.—3 р. 50 к., 3 н.—2 р. 75 к., 2 н.—2 р.
1 н.—1 р.

Въ корреспонденціи, взим. за строку, 60 н. ежемесячно.

Подписка принимается съ начала 1-го июля.

За доставку адреса взимается 25 в.

За объявленія: за строку, занимаемую пятимѣсяч. на 1-й стро-
кѣ, 20 в., на 4-й строку—10 в.

При многократн. печатаніи—скидка по соглашенію.

Въ редакціи, приложеніи при газетѣ—3 р. отъ каждой тысячи.

Главная контора находится въ Ростовѣ на Дону, на Баз.

Садовой улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Контора открыта исключительно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-
чера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дня.

Отдѣлы: редакция въ Ростовѣ на Д. и въ отдѣлахъ—5 в.

Телефонъ конторы № 240.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

Не стало Чехова...

Я прочелъ эту краткую, но ужасную телеграмму въ одной изъ думскихъ комиссій, въ составъ которой находились люди самыхъ разнообразныхъ положеній, самой разнообразной образовательной подготовки, представители всѣхъ общественныхъ слоевъ.—и на всѣхъ печальное извѣстіе произвело самое тягостное впечатлѣніе. Всѣ одинаково почувствовали всю огромность потери, которую понесла наша родина въ лицѣ этого характернѣйшаго и оригинальнѣйшаго писателя, занимающаго, безспорно, послѣ Л. Н. Толстого первое мѣсто среди современныхъ представителей русской литературы. Всѣ были въ такой мѣрѣ поражены извѣстіемъ, что лишь только путемъ величайшаго принужденія могли заставить себя заняться въ этотъ вечеръ стоявшими на очереди дѣлами. Этотъ маленькій фактикъ можетъ служить показателемъ широкой популярности, какую успѣлъ пріобрѣсти Чеховъ среди всѣхъ слоевъ нашего общества за свою, сравнительно короткую, литературную дѣятельность,—показателемъ той правильной оцѣнки, какой держатся по отношенію къ атому крупному дарованію всѣ, кто имѣлъ случай познакомиться съ его произведеніями, и того широкаго знакомства съ его произведеніями, какое стало нынѣ достояніемъ всѣхъ общественныхъ слоевъ...

Я не имѣю въ виду здѣсь касаться оцѣнки литературнаго значенія Чехова. Писать о Чеховѣ, какъ о писателѣ,—величайшее наслажденіе, какое можетъ выпасть на долю пишущаго. Но теперь, когда еще такъ свѣже впечатлѣніе, полученное отъ столь неожиданной утраты, трудно заставить себя останавливаться на разборѣ произведеній умершаго писателя и давать имъ оцѣнку. Миѣ это въ особенности трудно. Если для большинства читателей умеръ только крупный и симпатичный писатель, то для меня въ лицѣ Чехова сошелъ сосѣдъ жизни человѣкъ, которому я обязанъ нравственною помощью въ одну изъ труднѣйшихъ минутъ моей жизни. И я отложу рѣчь о Чеховѣ, какъ писателѣ, на нѣкоторое время, когда

буду въ состояніи говорить о его произведеніяхъ съ большимъ спокойствіемъ. Теперь же мнѣ именно хочется рассказать о томъ личномъ эпизодѣ, который сдѣлалъ для меня имя и личность Чехова особенно дорогими и который наглядно показываетъ, что Чеховъ былъ не только высоко-талантливый писатель, но и симпатичнѣйшимъ, добрымъ и отзывчивымъ въ высочайшей степени человѣкомъ.

Все это происходило такъ недавно и такъ не хочется снова ворошить все это тяжелое, оставшееся въ прошломъ, что я буду говорить здѣсь безъ именъ, такъ какъ собственно для характеристики Чехова никакія подробности эпизода и не нужны. Скажу только, что въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ моей жизни я получилъ изъ Ялты письмо отъ одной изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ женщинъ, извѣстной всей Россіи своею общественною дѣятельностью. Авторъ письма старался утѣшить и ободрить меня, и письмо это было для меня, дѣйствительно, большимъ утѣшеніемъ. Но что было особенно дорого въ этомъ письмѣ, это три строки приписки, сдѣланной А. П. Чеховымъ, въ которыхъ онъ присоединялся къ автору письма и также ободрялъ меня.

Я не былъ лично знакомъ съ покойнымъ писателемъ и никогда его не видѣлъ. Будучи горячимъ поклонникомъ литературнаго таланта Чехова и,—въ противоположность довольно распространенному взгляду, высказывавшемуся цѣлымъ рядомъ критиковъ, утверждавшихъ, будто у Чехова замѣчается отсутствіе какого-либо опредѣленнаго міросозерцанія,—находя въ его произведеніяхъ очень опредѣленно выраженное, весьма цѣльное міровоззрѣніе, я чрезвычайно сильно желалъ лично познакомиться съ покойнымъ. Но судьба не благопріятствовала мнѣ. Въ Петербургѣ, гдѣ такая встрѣча легче всего могла произойти, Чеховъ бывалъ рѣдко, и притомъ какъ то выходило какъ разъ такъ, что въ его прѣзды въ столицу я отсутствовалъ изъ нея. Въ Москвѣ, гдѣ Чехова было легче встрѣтить, я бывалъ только проездомъ, а въ Ялтѣ, гдѣ онъ такъ много жилъ, я не бывалъ ни разу. Такъ и не осуществилась моя горячая мечта лично поговорить съ нимъ. Тамъ дороже были для меня эти три строки, написанныя Чеховымъ съ цѣлью оказать

нравственную поддержку человѣку, котораго онъ никогда въ глаза не видѣлъ, съ которымъ не былъ въ перепискѣ и котораго онъ могъ знать только, какъ одного изъ многихъ сотенъ лицъ, имена которыхъ попадаютъ подъ журнальными или газетными статьями. Придя къ нашей общей знакомой, заставъ ее за письмомъ ко мнѣ и узнавъ о поводѣ, вызвавшемъ это письмо, Чеховъ счелъ нужнымъ сдѣлать возможное для него для того, чтобы оказать нравственную поддержку совершенно незнакомому ему человѣку,—и дѣйствительно, оказалъ мнѣ величайшую поддержку, на какую я уже никакъ не рассчитывалъ.

Я отнюдь не преувеличиваю значеніе этого маленькаго эпизода. Но нельзя не признать его въ высшей степени характернымъ. И если палеонтологи по одному зубу ископаемаго животнаго умѣютъ нарисовать намъ весь его скелетъ, то, несомнѣнно, рассказанный мною маленький фактикъ отчетливо рисуетъ всю нравственную фигуру Чехова. Многие изъ насъ сдѣлали бы то маленькое, что сдѣлалъ Чеховъ для меня и что для меня было очень и очень большимъ? Сколько разъ мы проходили и еще будемъ проходить мимо чужихъ страданій, оставаясь совершенно равнодушными и буквально не ударяя палецъ о палецъ для того, чтобы облегчить ихъ, хотя бы это было совершенно въ нашей власти! А тутъ человѣкъ, узнавъ о страданіи совершенно чужого ему лица, о которомъ онъ могъ имѣть развѣ только самое смутное представленіе, немедленно же дѣлаетъ, что въ данномъ положеніи только и было возможно, съ цѣлью оказать посильное содѣйствіе облегченію тяжелаго положенія этого лица,—не затрудняется написать атому чужому для него человѣку, насколько не думая о томъ, какъ это вмѣшательство посторонняго будетъ принято, и заботясь только о томъ, чтобы облегчить чужое страданіе.

Вспомните, читатель, много ли было подобныхъ случаевъ въ вашей жизни,—и едва ли вы вспомните что-либо подобное. Спросите о томъ же своихъ знакомыхъ, и едва ли многие изъ нихъ расскажутъ вамъ что-либо аналогичное. Въ моей жизни былъ еще только одинъ подобный же фактъ, и въ немъ фигурировалъ человѣкъ съ душой такой же неземной красоты,

какъ и у Чехова,—покойный Жанъ Масэ. И если бы мы не знали вообще, какимъ благородствомъ души отличались тотъ и другой, то, я думаю, и такого маленькаго факта, какъ тотъ, какой я рассказалъ относительно Чехова, было бы достаточно, чтобы составить себѣ общее представленіе о необычайной добротѣ, отзывчивости на людское горе, способности къ активному проявленію желанія быть полезными ближнимъ, какими въ равной мѣрѣ отличались оба названные лица, какъ ни различны въ общемъ были ихъ характеры, біографіи и родъ дѣятельности.

Я считалъ своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями приведеннымъ маленькимъ эпизодикомъ, столь характернымъ для нравственной личности Чехова. Безъ сомнѣнія, лица, близко знавшія покойнаго, теперь, послѣ его смерти, подѣлятся съ нами тѣми свѣдѣніями, которыя они имѣютъ относительно личности и жизни замѣчательнаго писателя. Необычайная скромность покойнаго является причиною того, что русское общество имѣетъ лишь самую смутную и крайне недостаточную свѣдѣнія о Чеховѣ, какъ о человѣкѣ. Въ то время, какъ мы имѣемъ и біографіи, и автобіографіи, и воспоминанія разныхъ лицъ о многихъ изъ здравствующихъ писателяхъ, по таланту стоящихъ значительно ниже Чехова, относительно послѣдняго почти совершенно отсутствуетъ въ печати біографическій матеріалъ. Это также было одною изъ причинъ, заставившихъ меня рассказать мой личный маленький эпизодикъ, имѣвшій отношеніе къ Чехову.

Въ заключеніе позволю себѣ сообщить, что мною вносится въ ставропольскую городскую думу предложеніе объ открытіи на одной изъ окраинъ г. Ставрополя народной бібліотеки имени А. П. Чехова. И если это предложеніе будетъ принято и бібліотека будетъ открыта, я сочту своимъ долгомъ сдѣлать все, что могу, для того, чтобы бібліотека эта была поставлена на надлежащую высоту, достойную имени крупнаго писателя, которому, по моему предложенію, она должна быть посвящена. Я увѣренъ также и въ томъ, что и мои читатели не откажутъ мнѣ въ осуществленіи этого начинанія.

Я. Абрамовъ.